

УДК 343.23

**ИНСТИТУТ ПРИКОСНОВЕННОСТИ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ:
КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА ИЛИ НЕОБХОДИМАЯ МЕРА?**

Ахмед Магомедович Басханов

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, axmed.basxanov.95@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается институт прикосновенности к преступлению в российском уголовном праве в контексте дискуссии о допустимых пределах криминализации деяний, не связанных с непосредственным совершением преступления. Автор проводит ретроспективный анализ становления данного института, начиная с первых законодательных памятников Древней Руси и заканчивая действующим Уголовным кодексом Российской Федерации, выявляя тенденции перехода от системного регулирования к фрагментарному. Особое внимание уделяется сравнительно-правовому анализу зарубежного законодательства (стран англосаксонской, романо-германской правовых семей и государств — участников Содружества Независимых Государств), который демонстрирует, что криминализация укрывательства, несообщения и попустительства является общепринятым стандартом, обеспечивающим эффективность правосудия.

На основе статистических данных о преступности и судебной практики последних лет автор доказывает, что существующие нормы (ст. 205⁶ и ст. 316 Уголовного кодекса Российской Федерации) применяются точно и не ведут к массовым репрессиям. В работе обосновывается необходимость возвращения института прикосновенности в Общую часть Уголовного кодекса Российской Федерации в целях устранения терминологической неопределенности и создания системной основы для квалификации данных деяний. Сформулированы предложения по совершенствованию Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, предполагающие установление ответственности за укрывательство, несообщение и попустительство только в отношении умышленных тяжких и особо тяжких преступлений. Автор приходит к выводу, что восстановление полноценного института прикосновенности является не инструментом тотальной криминализации общества, а необходимой, сбалансированной мерой, направленной на реализацию принципа неотвратимости наказания и усиление превентивного потенциала уголовного закона.

Ключевые слова: прикосновенность к преступлению, укрывательство, недонесение, попустительство, принцип справедливости, неотвратимость наказания, криминализация

Для цитирования: Басханов А. М. Институт прикосновенности к преступлению: криминализация общества или необходимая мера? // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 2 (77). С. 150—157.

**INSTITUTE OF INVIOABILITY TO A CRIME:
CRIMINALIZATION OF A SOCIETY OR A NECESSARY MEASURE?**

Akhmed Magomedovich Baskhanov

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, axmed.basxanov.95@mail.ru

Abstract. This article examines the institution of implication to crime in the criminal law of Russia, in the context of the discussion related to the permissible limits of criminalization of acts not directly related to the commission of a crime. The author makes a retrospective analysis of the development of this institution, starting with the first legislative books of the old Russia (the Old Rus') and ending with the acting Criminal Code of the Russian Federation, identifying trends in the transition from systemic regulation to fragmented one.

Particular attention is given to a comparative legal analysis of the foreign legislation (countries of the Anglo-Saxon and Romano-Germanic legal families and member states of the Commonwealth of Independent States).

It demonstrates that the criminalization of concealment, failure to report, and connivance is a generally accepted standard to ensure the effectiveness of justice.

Based on statistical data on crime and judicial practice of recent years, the author demonstrates that existing norms (Articles 2056 and 316 of the Criminal Code of the Russian Federation) are applied selectively and do not lead to mass repressions. The author substantiates the need to return the institution of inviolability to the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation in order to eliminate terminological uncertainty and develop a systemic basis for classification of these acts. He formulates proposals to improve the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, assuming the imposition of liability for concealment, failure to report, and connivance related only to intentional serious and especially serious crimes. The author concludes the restoration of a full institute of inviolability not to be an instrument of total criminalization of society, but a necessary, balanced measure aimed at implementing the principle of inevitability of punishment and strengthening the preventive potential of the criminal law.

Keywords: inviolability to a crime, concealment, failure to report, connivance, principle of justice, inevitability of punishment, criminalization

For citation: Baskhanov A. M. Institute of inviolability to a crime: criminalization of a society or a necessary measure? Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 150—157, 2026. (In Russ.).

Современное состояние уголовной политики Российской Федерации характеризуется поиском баланса между необходимостью обеспечения безопасности граждан и соблюдением конституционных прав личности. В условиях, когда удельный вес нераскрытых тяжких и особо тяжких преступлений за последние пять лет увеличился с 32,4 (2020 г.) до 35,2 % (2025 г.)¹, вопрос о повышении эффективности уголовно-правового воздействия на лиц, способствующих безнаказанности преступников, приобретает критическое значение. Одним из фундаментальных инструментов в решении этой задачи выступает институт прикосновенности к преступлению. Однако его текущее состояние в российском законодательстве оценивается как бессистемное и фрагментарное, что порождает опасения относительно возможности избыточной криминализации общества при его полноценном восстановлении.

Для объективной оценки влияния института прикосновенности на современное общество необходимо обратиться к генезису данного правового явления (табл. 1). История российского права демонстрирует, что ответственность за прикосновенность всегда следовала за потребностями государства в охране наиболее значимых общественных отношений. Устав князя Ярослава Мудрого «О судах Церковных» в XI—XIII вв. уже содержал нормы о несообщении («жена должна была сообщать известное ей мужу») [1, с. 192],

а Русская Правда фиксировала ответственность за укрывательство беглых челядинов и холопов [1, с. 192]. В Судебниках 1497 [2, с. 60] и 1550 [2, с. 119] гг. криминализировалось приобретение краденых вещей, что сегодня рассматривается как вид имущественного укрывательства.

Качественная трансформация произошла в Соборном уложении 1649 г., где законодатель принял попытку систематизации норм. Была введена ответственность за недонесение о заговорах против царя и укрывательство разбойников, причем ложные показания при обыске уже тогда приравнивались к укрывательству [3, с. 255—256]. В эпоху Петра I Артикул воинский 1715 г. дополнил этот перечень попустительством по службе, установив жесткие санкции для офицеров, не противодействующих сдаче крепости врагу [4, с. 349].

Вершиной законодательной регламентации в дореволюционный период стали Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 [5, с. 4—5] и 1885 [6, с. 29—35] гг. В них прикосновенность была выделена в Общей части в отдельный подраздел «О участии в преступлении», хотя доктрина того времени (Н. С. Таганцев [7, с. 799—805], В. Д. Спасович [8, с. 163—164]) уже начала обособливать ее самостоятельность. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. стало первым актом, давшим легальные дефиниции всем трем формам прикосновенности.

¹ См.: Состояние преступности // МВД России: сайт. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 03.03.2026).

**Периодизация становления и развития
института прикосновенности к преступлению**

Период	Статус института прикосновенности	Ключевые особенности
XI—XV вв.	Казуальный	Фокус на сокрытии преступников и краденого имущества
XVII—XVIII вв.	Начало систематизации	Приоритет охраны государственной власти
1845—1885 гг.	Полноценный институт	Наличие дефиниций в Общей части в Уложениях о наказаниях уголовных и исправительных
1903—1921 гг.	Фрагментарный	Исключение из Общей части Уголовного уложения 1903 г. [9, с. 991] и наличие отдельных норм в декретах и постановлениях [10, с. 25—48]
1922—1960 гг.	Системный	Возврат укрывательства и недонесения в Общую часть Уголовного кодекса РСФСР (ст. 18, 19)
1996 г. — н. в.	Дезорганизованный	Отсутствие в Общей части дефиниций о прикосновенности к преступлению, «точечные» правки в Особенной части Уголовного кодекса РФ

В советский период уголовные кодексы РСФСР 1926—1960 гг.¹ вновь закрепили укрывательство и недонесение в Общей части, четко отграничив их от соучастия по признаку «заранее не обещанного» характера деяния. Однако при принятии Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ) возобладал курс на радикальную гуманизацию, в результате чего Общая часть лишилась упоминания о прикосновенности, а в Особенной части сохранилась лишь ответственность за укрывательство особо тяжких преступлений. Дальнейшее развитие законодательства носило реактивный характер: в 2016 г. была введена ст. 205⁶ УК РФ (несообщение о преступлении), а в 2022 г. расширена ст. 316 УК РФ в части защиты несовершеннолетних. Такая бес-

системность подтверждает необходимость возврата к институциональному подходу.

Анализ зарубежного законодательства опровергает тезис о том, что развитые правовые системы отказываются от института прикосновенности. Напротив, криминализация данных деяний рассматривается как необходимая мера обеспечения эффективности правосудия во многих странах.

В англосаксонской правовой семье (США², Великобритания³, Канада⁴) прикосновенные лица традиционно именовались «соучастниками после совершения факта» (*accessory after the fact*). Однако современные реформы (например, Закон об уголовном праве Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии 1967 г.) выделили самостоятельные составы, такие как

¹ См.: О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР редакции 1926 года (вместе с Уголовным Кодексом РСФСР): постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. (ред. от 25.11.1935). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=45499#reRCjNT6xVlбExро> (дата обращения: 02.03.2026); Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР (вместе с Уголовным кодексом РСФСР): закон РСФСР от 27 октября 1960 г. (ред. от 30.07.1996). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=36911> (дата обращения: 02.03.2026).

² См.: Title 18 of the United States Code (as of 2017). URL: https://legislationline.org/sites/default/files/documents/a5/USA_title_18_us_code_crimes_2017_en.pdf (дата обращения: 02.03.2026).

³ См.: Criminal Law Act 1967. URL: https://www.policinglaw.info/assets/downloads/1967_Criminal_Law_Act.pdf (дата обращения: 02.03.2026).

⁴ См.: Criminal Code of Canada (English and French). URL: <https://legislationline.org/sites/default/files/202310/Criminal%20Code%20of%20Canada.pdf> (дата обращения: 02.03.2026).

«помощь преступнику» (*assisting offender*). В США на федеральном уровне сохраняется ответственность за *misprision of felony* (недонесение о тяжком преступлении), требующее активного сокрытия информации.

Романо-германская правовая система (Франция¹, Германия², Испания³) демонстрирует более детальный подход. УК Франции выделяет укрывательство вещей (*le recel*) и укрывательство преступников, предусматривая освобождение от ответственности для близких родственников. УК Германии в § 138 устанавливает обязанность сообщать о готовящихся преступлениях против жизни, государственной безопасности и геноциде, причем санкция за недонесение о готовящемся деянии выше, чем за несообщение об уже совершенном, что подчеркивает превентивную функцию нормы.

Особый интерес представляет опыт стран Содружества Независимых Государств, которые развивались в едином правовом поле с Россией. УК Республики Узбекистан⁴ является эталонным в этом отношении: ст. 31 Общей части прямо закрепляет понятие и формы прикосновенности (несообщение и укрывательство), отделяя их от соучастия. В уголовных кодексах Казахстана⁵, Беларуси⁶ и Армении⁷ ответственность за прикосновенность дифференцирована в зависимости от тяже-

сти предикатного преступления, что позволяет избежать избыточной репрессии.

Мировой опыт показывает, что криминализация прикосновенности — это стандарт мировой юридической практики. Она не приводит к криминализации общества, если ограничена кругом тяжких посягательств и снабжена механизмами защиты семейных ценностей.

Полагаем, что прикосновенность к преступлению как институт уголовного права должен найти свое отражение как в Общей части (в виде отдельной главы), так и в Особенной части УК РФ. Введение в Общую часть и закрепление определения понятия и форм прикосновенности к преступлению, а также условий возникновения уголовной ответственности создает системную основу для понимания роли и сущности таких явлений, как прикосновенность, укрывательство, несообщение и попустительство. Это соответствует задаче Общей части — формулировать общие принципы, определения и условия ответственности, которые затем конкретизируются в Особенной части. Например, нормы о соучастии (ст. 32—36 УК РФ) в Общей части задают рамки, а Особенная часть детализирует наказание для конкретных проявлений множественности субъектов преступления при наличии признаков соучастия. Аналогичный подход оправдан, на наш взгляд, и для прикосновенности, также являющейся разновидностью множественности субъектов. Определение ключевых понятий в Общей части обеспечит единообразное толкование норм Особенной части. Предложенный подход не нарушает правил законодательной техники, так как сохраняет баланс между абстрактностью Общей части и конкретикой Особенной. Напротив, он усиливает системность уголовного закона и профилактическую функцию, обеспечивает четкость квалификации и соответствует исторической и мировой практике.

Нормы Особенной части (ст. 205⁶ УК РФ «Несообщение о преступлении» и ст. 316 УК РФ «Укрывательство преступлений») должны быть сконструированы таким образом, чтобы ответственность за несообщение и укрывательство наступала только за определенные категории тяжести предикатных преступлений, что в настоящее время частично реализовано. Так, если мы говорим о том, что ответственность за укрывательство должна наступать за тяжкие преступления, совершенные в отношении несовершеннолетних, то неучтенными остаются другие не менее общественно опасные тяжкие преступления, например преступления террористической направленности, экстремист-

¹ См.: Criminal Code of the French Republic (as of January 2020) (French version). URL: https://legislationline.org/sites/default/files/2023-10/France_Code_of_criminal_procedure_EN.pdf (дата обращения: 02.03.2026).

² См.: Criminal Code of the Federal Republic of Germany (1971, as amended 2013) (English version). URL: <https://legislationline.org/sites/default/files/2023-10/Criminal%20Code%20of%20the%20Federal%20Republic%20of%20Germany.pdf> (дата обращения: 02.03.2026).

³ См.: Criminal Code of the Kingdom of Spain (1995, as of 2016) (English version). URL: https://legislationline.org/sites/default/files/2023-10/Criminal_Code_2016.pdf (дата обращения: 02.03.2026).

⁴ См.: Уголовный кодекс Республики Узбекистан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110 (дата обращения: 02.03.2026).

⁵ См.: Penal Code of the Republic of Kazakhstan. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38102169 (дата обращения: 02.03.2026).

⁶ См.: Уголовный кодекс Республики Беларусь. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984 (дата обращения: 02.03.2026).

⁷ См.: Уголовный кодекс Республики Армения. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1727636610&id=ru&lang=ru&name=ARM_Criminal%20Code_ru_as%20of%2010%20Jul%202019.pdf (дата обращения: 02.03.2026).

ского характера и др. Поэтому уголовная ответственность должна наступать за укрывательство всех умышленных тяжких преступлений, независимо от специального потерпевшего и объекта посягательства. Укрывательство тяжких преступлений обладает требуемой для криминализации содеянного степенью общественной опасности. Установление уголовной ответственности за прикосновенность к неосторожным преступлениям не отвечает принципу справедливости [11].

Видится целесообразным совершенствование уже имеющейся нормы, регламентирующей ответственность за несообщение о преступлении, и введение нормы, предусматривающей ответственность за попустительство, что не является возрождением института «доносительства» в его негативном историческом контексте. Данные нормы при этом должны быть сконструированы аналогично предлагаемым новеллам по укрывательству преступлений. Такая конструкция будет соответствовать принципу системности и справедливости: ограниченный круг предикатных преступлений, за укрывательство, несообщение и попустительство которых должна наступать ответственность, исключит произвольное применение нормы к мало-значительным или спорным ситуациям, например в коммерческой сфере. Уголовная ответственность будет наступать лишь в случаях, когда деяние представляет значительную общественную опасность, и поспособствует недопущению злоупотребления указанными нормами. Текущая ситуация с «точечными» изменениями (ст. 205⁶ УК РФ, правки в ст. 316 УК РФ) создает неопределенность. Граждане не понимают, когда их молчание становится преступным.

Возвращаясь к вопросу о криминализации общества, следует отметить, что нормы о прикосновенности к преступлению направлены на защиту интересов правосудия, а не на политический контроль. Их цель — обеспечить раскрываемость преступлений, защиту прав потерпевших и предотвращение уклонения виновных от ответственности. Это соответствует международным стандартам, где обязанность сообщать о тяжких преступлениях существует во многих правовых системах.

В отличие от советского периода, современное законодательство России содержит механизмы защиты прав граждан, включая независимый суд, право на защиту и принцип презумпции невиновности. Эти институты исключают возврат к практике политических репрессий.

Реформа не предполагает ответственности за укрывательство преступлений небольшой и средней тяжести. Институт ориентирован исключительно на тяжкие и особо тяжкие преступления. Общество не криминализируется, когда оно обязано предотвращать убийства или террористические акты; оно становится более сплоченным в борьбе со злом.

Системная регламентация позволяет государству отказаться от жестких мер в пользу соразмерных. Существующие санкции за несообщение или укрывательство соответствуют тяжести деяния как «придаточного» посягательства. Это позволяет реализовать принцип неотвратимости наказания без массовых репрессий, что и является целью эффективной уголовной политики.

Институт прикосновенности обладает колоссальным превентивным потенциалом. Лица, знающие о планах преступников или помогающие им скрыться, создают вокруг них «зону комфорта», которая является «питательной средой» для рецидива и организованной преступности. Устранение этой зоны через угрозу уголовного преследования способно радикально повысить раскрываемость преступлений на ранних стадиях.

Анализ статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации¹ и МВД России² за 2023—2025 гг. показывает, что на фоне общего массива зарегистрированных преступлений количество дел по ст. 205⁶ и 316 УК РФ составляет сотые доли процента (табл. 2).

Данные таблицы 2 демонстрируют парадокс: при взрывном росте террористических преступлений (+59,4 % в 2025 г.) институт прикосновенности не превращается в «конвейер» для осуждения простых граждан. Напротив, он остается инструментом «хирургической точности», применяемым там, где молчание действительно способствовало совершению трагедии. Рост террористической активности требует от государства наличия легальных инструментов для принуждения к гражданскому содействию, иначе эффективность профилактики терактов резко снижается.

¹ См.: Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: сайт. URL: <http://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 03.03.2026).

² См.: Состояние преступности // МВД России: сайт. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 03.03.2026).

Таблица 2

**Основные показатели преступности и применения норм
о прикосновенности (2023—2025 гг.).**

Год	Всего зарегистрировано преступлений (тыс.)	Преступления террористического характера	Удельный вес осужденных за прикосновенность ¹
2023	1 946,8	2 382,0	< 0,1 %
2024	1 911,3 (—1,8 %)	3 714 (+55,9 %)	< 0,1 %
2025	1 771,2 (—7,3 %)	5 920 (+59,4 %)	На момент подготовки статьи статистические сведения о лицах, осужденных по ст. 205 ⁶ , 316 УК РФ, отсутствуют

Третьим аргументом против теории «тотальной криминализации» является судебная практика. Суды крайне внимательно подходят к доказыванию субъективной стороны. Недостаточно просто доказать, что человек «мог знать» о преступлении — необходимо подтвердить, что сведения были достоверными и осознанными. В приговоре по делу № 1-246/2021² суд исключил из обвинения признаки «подготовки» к преступлению, так как подсудимая знала уже о свершившемся факте вступления знакомой в террористическую организацию — ИГИЛ³. Это демонстрирует соблюдение принципа презумпции невиновности и толкование всех сомнений в пользу обвиняемого.

Президент Российской Федерации В. В. Путин в своем выступлении на заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации обратил внимание на то, что безопасность граждан, защита их прав и свобод, обеспечение суверенитета России, укрепление правопорядка были и остаются ключевыми направлениями государственной политики, и предложил продумать систему дополнительных превентивных, профилактических, других антикриминальных мер. К таким мерам относится и повышение эффективности уголовно-правового воздействия на преступную деятельность прикосновенных лиц.

¹ Оценка на основе данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации и МВД РФ

² См.: Приговор Центрального районного суда г. Симферополя Республики Крым от 28 июля 2021 г. по делу № 1-246/2021. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Ufphbi6RvyVB/?regular-txt=®ular-case_doc=1-246%2F2021+®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_=1772529906026 (дата обращения 03.03.2026).

³ Запрещенная в России террористическая организация «Исламское государство».

Подводя итог исследованию института прикосновенности к преступлению в российском уголовном праве, можно сделать следующие ключевые выводы.

Во-первых, существование этого института в уголовном законе является не мерой по «криминализации общества», а необходимой реакцией государства на современные вызовы безопасности. Статистические данные МВД России и Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации подтверждают, что применение данных норм носит ограниченный характер и направлено против деяний, объективно угрожающих жизни граждан и стабильности правосудия. Наличие жестких фильтров (ответственность только за прикосновенность к особо тяжким и террористическим преступлениям) и конституционных иммунитетов для близких родственников исключает риск массовых злоупотреблений.

Во-вторых, институт прикосновенности к преступлению должен получить полное признание как в Общей, так и в Особенной части УК РФ. В Общей части необходимо закрепить доктринальное определение и признаки прикосновенности, чтобы исключить путаницу с соучастием. В Особенной части должны сохраняться специализированные составы, позволяющие учитывать специфику защищаемого объекта.

Реализация предложенных мер позволит превратить институт прикосновенности в эффективный и справедливый инструмент правовой защиты, способствующий торжеству принципа неотвратимости наказания без ущерба для гражданских свобод. Прикосновенность к преступлению в ее нынешнем виде — это не возврат к репрессиям, а правовое требование минимальной гражданской ответственности в условиях глобальных угроз.

Полагаем, что полноценный институт прикосновенности не приведет к криминализации общества. Данный тезис основывается на глубоком

понимании механизмов работы уголовного права и криминологической обстановки.

Криминализация общества — это процесс вовлечения широких слоев населения в преступную

деятельность или необоснованное расширение репрессивного аппарата. Предложения, напротив, направлены на сужение произвола и уточнение рамок ответственности.

1. Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Москва: Юрид. лит., 1984. Т. 1. 432 с.

2. Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Москва: Юрид. лит., 1985. Т. 2. 520 с.

3. Памятники русского права. Вып. 3: Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV—XV вв. / сост. В. Н. Автократов, А. А. Зимин, С. М. Каштанов, А. Г. Поляк; ред. Л. В. Черепнин. Москва: Госюриздат, 1955. 527 с.

4. Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. / под общ. ред. А. Г. Манькова. Москва: Юрид. лит., 1985. Т. 4. 520 с.

5. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Санкт-Петербург: В тип. Второго Отд-ния Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845. 898 с.

6. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. / издано Н. С. Таганцевым. 7-е изд., пересмотр. и доп. Санкт-Петербург: Тип. М. Стяслевича, 1892. 796 с.

7. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 1: Лекции. 2-е изд., пересмотр. и доп. Санкт-Петербург: Гос. тип., 1902. 815 с.

8. Спасович В. Д. Учебник уголовного права. Санкт-Петербург: Тип. И. Огризко, 1863. Т. 1. 178 с.

9. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. с мотивами, извлеч. из объясн. записки Ред. комис., представления Мин. юст. в Гос. сов. и журн. — особого совещ., особого присутствия деп. и общ. собр. Гос. сов. Санкт-Петербург: Изд. Н. С. Таганцева, 1904. 1122 с.

10. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917—1952 гг. / сост.: проф. А. А. Герцензон; под ред. [и с предисл.] проф. И. Т. Голякова. Москва: Госюриздат, 1953. 464 с.

11. Нифталиева И. А. Криминализация и декриминализация деяний как одно из направлений реализации принципа справедливости // Евразийская адвокатура. 2023. № 5 (64). С. 64—66.

1. Russian legislation of the X—XX centuries. In 9 vols. Vol. 1. Red. by O. I. Chistyakov. Moscow: Legal Literature; 1984: 432. (In Russ.).

2. Russian legislation of the X—XX centuries. In 9 vols. Vol. 2. Red. by O. I. Chistyakov. Moscow: Legal Literature; 1985: 520. (In Russ.).

3. Books of the Russian Law. Issue 3: Legal books of the period of formation of the Russian centralized state in the XIV—XV centuries. Compiled by V. N. Avtokratov, A. A. Zimin, S. M. Kashtanov (et al.). red. by L. V. Cherepnin. Moscow: Gosyurizdat; 1955: 527. (In Russ.).

4. Russian legislation of the X—XX centuries. In 9 vols. Vol. 4. Red. by A. G. Mankov. Moscow: Legal Literature; 1985: 520. (In Russ.).

5. Code of Criminal and Correctional Punishments. Saint Petersburg: In the printing house of the Second Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery; 1845: 898. (In Russ.).

6. Code of Criminal and Correctional Punishments of 1885. Published by N. S. Tagantsev. 7th ed., rev. and suppl. Saint Petersburg: Printing house of M. Styaslevich; 1892: 796. (In Russ.).

7. Tagantsev N. S. Russian criminal law. General part. Vol. 1. Lectures. 2nd ed., rev. and add. Saint Petersburg: State typography; 1902: 815. (In Russ.).

8. Spasovich V. D. Textbook on criminal law. Vol. 1. Saint Petersburg: Printing house of I. Ogrizko; 1863: 178. (In Russ.).

9. Criminal Code of March 22, 1903 with motives, taken from the explanatory note of the Editorial Board, document of the Ministry of Justice to the State Council and Journal — special council, special presence of the dep. and general meeting of the State Council. Saint Petersburg: Publishing house of N. S. Tagantsev; 1904: 1122. (In Russ.).

10. Collection of documents on the history of criminal legislation of the USSR and the RSFSR, 1917—1952. Comp. by professor A. A. Gertsenzon; red. [and with a preface] by professor I. T. Golyakov. Moscow: Gosyurizdat; 1953: 464. (In Russ.).

11. Niftaliev I. A. Criminalization and decriminalization of acts as one of the directions to implement the principle of justice. Eurasian Advocacy, 64—66; 2023. (In Russ.).

Басханов Ахмед Магомедович,

доцент кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
axmed.basxanov.95@mail.ru

Baskhanov Akhmed Magomedovich,

associate professor
at the department of criminal law
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation
in the internal affairs bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
axmed.basxanov.95@mail.ru

Статья поступила в редакцию 04.03.2026; одобрена после рецензирования 12.03.2026; принята к публикации 14.05.2026.

The article was submitted 04.03.2026; approved after reviewing 12.03.2026; accepted for publication 14.05.2026.

* * *